

Довгаль А. В.

Могилёв

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ *СМЕХ* (на материале белорусского языка)

Устойчивые выражения, к которым относятся пословицы, поговорки и фразеологизмы, отражают стереотипы национального сознания и содержат определенные предупреждения и рекомендации, установки и ориентиры. Именно поэтому такие конструкции являются источником культурной информации, одним из фрагментов ментального пространства носителей языка.

В предложенной статье объектом исследования стали пословицы и поговорки белорусского языка с компонентом *смех* и его дериватами (*смешны, смяяцца, смешна* и др.), зафиксированные в современных паремиологических словарях. В дальнейшем для этих единиц используется условное название «смеховые конструкции».

Семантическая структура высказываний, к которым, безусловно, относятся и устойчивые выражения, бинарна: она включает объективную (диктум) и субъективную (модус) информацию о событиях. Диктумное содержание – это языковое отражение какого-то осмысленного фрагмента реальности. Для описания объективного содержания высказывания используются понятия октантов и предиката: октанты – это участники ситуации, предикат же обозначает их действия, отношения, признаки и под. В «смеховых конструкциях» нас интересовали семантические (актантные) роли смеха и валентностные особенности предиката со значением 'смеяться'.

Смех в пословицах и поговорках является актантом-инструментом, т.е. обозначает средство для осуществления ситуации, напр.: *Прыцішоў з мехам, не адбудзеш смехам; Са смехам любая бяда пад сілу*. Смех может выступать в качестве актанта-силы, называя стихию, которая перемещает объекты, однако при этом исключается целенаправленность действия, напр.: *Смех бабу валіць*.

С позиции семантического синтаксиса «смеховые конструкции» организуются двумя стательными предикатами, отличающимися количеством необходимых актантов. Первый предикат является одновалентным, поскольку требует заполнения лишь одной актантной позиции – субъекта, напр.: *Дзе ззяруцца, там смяюцца; Багаты дзівіцца, чым бедны жывіцца, а бедны смяецца, дзе ў багатага дзяецца; Сын стараецца, а бацька ў вус пасміхаецца; Хай смяецца, каму добра жывецца* и др. Второй предикат относится к двухвалентным, так как предусматривает участие в ситуации не только субъекта как носителя предикативного признака, но и объекта, на которые направлено действие, напр.: *Смяецца вада з балоты; Чужая болька – людзям смех; Пасмейся з няўмекі, ды не чыні здэкі; Не смейся чужой бядзе, свая на градзе*.

Часто пословицы и поговорки любого языка используются в качестве вербального средства оценки той или иной ситуации, причем оценки субъективной. Любые идущие от субъекта речи смыслы составляют суть категории модальности, причем эта языковая категория понимается нами как отношение говорящего к сообщаемому. Все модальные значения объединяются в две группы в зависимости от отношений между субъектом и объектом высказывания. Во-первых, «говорящий констатирует явление и как-то оценивает его (отношения “говорящий” ← “явление”))» [Кривицкий 1990, 306]; модальные значения группируются вокруг идеи достоверности, которая имеет свою градацию: констатация, акцентированная констатация, возможность, предположение, допущение, сомнение. Во-вторых, «говорящий стремится активно воздействовать на явление (отношения “говорящий” → “явление”))» [там же]; ядром модальных значений выступает идея волеизъявления (императивности), которая реализуется через приказ или предписание, побуждение или просьбу, предостережение или совет, должностное, необходимость, желание или пожелание.

Основываясь на представленном выше понимании субъективного содержания семантической структуры высказывания, в данной статье мы рассмотрим модальные значения паремий с компонентом *смех*.

«Смеховые конструкции», которым свойственна модальность достоверности, реализуют в большинстве своем значение констатации, что грамматически выражается через форму изъявительного наклонения глагола, напр.: *Ады вочы і плачуць і смяюцца; Сын стараецца, а бацька ў вус пасміхаецца; Папраўдзе смяецца той, хто смяецца апошнімі; Багаты дзіўца, чым бедны жывіца, а бедны смяецца, дзе ў багатага дзяецца; З каго кпіла, смялася, таму сама папалася і др.* Данное модальное значение свойственно высказываниям, в которых глагольный компонент замещается именными частями речи или предикативами, напр.: *Смех з панскіх ботаў: адзін згарэў, другі сабака з'еў; Чужы дурань – смех, а свой – сорам; Смешны, дыг перад Богам грэшны; Смешна, але не пацешна* и др. Акцентированная констатация событий передаётся в паремиях различными лексико-грамматическими средствами (например, частицами, существительными в роли сказуемого), инверсивным словопорядком, интонацией (прежде всего в устной речи), напр.: *Толькі апошні праўдзе смяецца; Смяецца лысы з пляшывага; За бацькава сварыцца – і смех і грэх; Смех – то дар багоў.*

Неуверенность говорящего относительно вероятности событий представлено единичными выражениями со значением предположения: *Здаецца, што й певень смяецца; Здаецца, што свіння смяецца, а яна плача.* Модальные значения возможности, допущения, сомнения в собранном материале не представлены вовсе. Это обусловлено природой паремий, поскольку в них фиксируются типичные жизненные ситуации, утверждаются те или иные культурные стереотипы, формулируются определенные этические нормы – все это оформляется в форме утвердительных или отрицательных констатаций.

Модальность волеизъявления представлена в пословицах в основном значениями приказаний, предписания, т.е. категорическим императивом. Грамматическим средством выражения этого значения в «смеховых конструкциях» является, прежде всего, форма повелительного наклонения глагола, чаще с отрицанием, напр.: *Не смейся чужою бядзе, свая на градзе; Не смейся, брудзе, бо й табе будзе; Не смейся, дзядку, з чужога выпадку; З чужога гора не смейся; У пятніцу не смейся, у нядзелю не плач; Людзей не смяшы і чорта не гняй; Не смейся з людзей – пасмейся з сябе і сваіх озяцей; Пасмейся з няўмекі, ды не чыні здзекі* и др. Маркером волеизъявления в устойчивых выражениях выступает также частица *няхай (хай)*, придающая высказыванию значение разрешения или пожелания, чем снижается градус категоричности, напр.: *Няхай смяецца, каму нямецца; Хай смяецца, каму добра жывецца.*

В пословицах со структурой сложного предложения могут выражать причинно-следственные отношения между предикативными частями, первая из которых содержит императив, а вторая – компаратив, напр.: *Не смейся з людзей, ты сам смяшней; Не смейся, квас, не лепшы за нас.*

Запрет на смех может выражаться в эллиптических конструкциях, в которых отсутствует грамматическое средство императивности (глагольная форма), напр.: *Смешкі набок.*

Значение предписания может быть скрытым, т.е. присутствовать лишь в семантике устойчивых единиц, напр.: *Смех да плачу даводзіць* = 'не смейся'; *Смешкі плачам кончацца* = 'не смейся'; *Смех не арэх, зубоў не лупі* = 'не смейся'; *Скоры наспех людзям на смех* = 'не спяшайся'; *Рублена наспех і зроблена насмех* = 'не спяшайся.

«Смеховые конструкции» с грамматически оформленным и скрытым императивом используются в качестве предостережения или пожелания, поэтому действие часто относится в план будущего, напр.: *Не смейся, брат: будзеш сам салдат; Не смейся, рабе, даўдзецца і табе; Сваё бядою нікому не жалься, бо добры збаіцца, а злы насмяецца; Хто*

смяецца, таму не мінецца; Хто з чужою бяды смяецца, таму галава завінецца; Калі ў школе з матчынай гаворкі пасмяецца, то на старасці ад маткі адрачэцца и др.

В собранной картотеке представлена одна пословица с оптативной модальностью, которая в шкале императивности имеет наиболее «мягкое» значение: *Дай, Божа, заўсёды смяецца, а ніколі плакаць*.

Следует отметить, что смех в паремиологических контекстах (пословицах и поговорках) является амбивалентным явлением.

Прежде всего, смех во всех проявлениях (улыбка, шутка, юмор и под.) – это черта умного человека, напр.: *Добра смяецца той, хто смяецца апошнім; Папраўдзе смяецца той, хто смяецца апошнім; Пасмяецца – не пакалечыць*. Однако, именно смех выступает в устойчивых выражениях дифференциальным признаком дурака – человека неразумного, напр.: *Дурня на смеху пазнаеш; Па латках пазнаюць скупого, а на смеху – дурнога; Пры пустой галаве і смех пусты; Дурань і з пальца смяецца*.

Умный человек через смех выражает такие положительные эмоции, как радость, веселье, удовлетворение, напр.: *Дзе збяруцца, там смяюцца; Без смеху якая пацеха; Сын стараецца, а бацька ў вус пасміхаецца; Як папу ўдаецца, то і нападдзя смяецца; Хай смяецца, каму добра жывецца; Каб не смяліся ды не цешыліся, так бы даўно навесліся*. Вместе с тем, человек позволяет себе насмеяться над себе подобными, часто делая это сознательно, напр.: *З другой смяецца, а самой блін не ўдаецца; Каму бяда, каму смех; Пасмяяўся лысы з пляшывага; Пасмяяўся кацёл з гаршчэчка, што той чорны; Вочы высмейваць; На смех выступаўляць; Смешкі правіць*. Пословицы и поговорки подтверждают тот факт, что человек чётко противопоставляет своё чужому и радуется первому, а высмеивает второе, напр.: *Чужая больша людзям смех; Чужы дурань – смех, свой дурань – сорам*. Этические нормы общества не допускают издевательское отношение к человеку, поэтому и в паремиологическом фонде белорусского языка представлены выражения, кодирующие запрет на злорадный смех, напр.: *Насмейся з няўмекі, ды не чыні здзекі; З чужога гора не смеіся; Смяюцца не з калекі, а з няўмекі; Хто з чужою бяды смяецца, таму галава завінецца*.

В пословицах и поговорках белорусского языка четко прослеживается отождествление смеха с физической силой, т. е. смех рассматривается как некая энергия для выполнения действий, напр.: *Смех – родны брат сіле; Смех як сонца; Са смехам любая бяда пад сілу; Смех бабу валіць; Смехам і піва п'юць*. В то же время смех соотносится с чем-то несущественным, незначительным, несостоящим, напр.: *Прышоў з мехам, не аббудзеш смехам; Слоў – на мех, а спраў – на смех; Павпрачаліся за мех, а ў мяху смех; Развязаўся мех не на смех*.

Таким образом, в белорусском языке пословицы и поговорки с компонентом смех и его дериватами как специфические типы высказываний с позиции семантического синтаксиса имеют ряд особенностей. Диктумное содержание «смеховых конструкций» представлено одновалентным или двухвалентным предикатом, актантные роли смеха сводятся к функции силы (как разновидности субъектного актанта) и инструмента. Модальный план паремий характеризуется значениями достоверности и императивности с их последующей градацией. Значение достоверности репрезентировано в основном констатацией или акцентированной констатацией, в нескольких случаях оформляется как предположение. Императивность реализуется через грамматически оформленное или скрытое приказание или предписание, реже представлено в форме пожелания. Являясь речевыми контекстами для функционирования лексемы смех, пословицы и поговорки не только содействуют проявлению зафиксированных в словарной дефиниции сем ('радость', 'веселье', 'удовлетворение', 'насмешка', 'злорадность'), но и позволяют реализовать смысловые потенции ('сила', 'незначительность, несущественность').

ЛИТЕРАТУРА

Кривицкий, А. А. Белорусский язык для говорящих по-русски / А. А. Кривицкий, А. Е. Михневич, А. И. Подлужный. – 3-е изд., перераб. – Минск: Выш. шк., 1990. – 368 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова